
Эмиль Оган
18+

Эмиль Оган

Самнд

«Автор»
2026

Оган Э.

Самнд / Э. Оган — «Автор», 2026

«Самнд» — тяжелая, пронзительная история о юной девушке-рабыне, чья судьба на суровой и чуждой планете полна испытаний и боли. Оказавшись на самом дне чужого мира, она вынуждена бороться за выживание, сохраняя человечность там, где надежда кажется непозволительной роскошью.

© Оган Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Самнд

Глава 1

Мама плакала, стонала и рыдала, и Марии было страшно. С полей вернулся не отец, а — обычные крестьяне с вестью о том, что папу убили. Мать не просто плакала; она твердила: «Его убили люди, злые люди, лживые люди. Они забыли Бога. Для них Он — лишь сказка».

Мария была неподалеку от дома, когда услышала плач и даже видела, как в дом вошли крестьяне; минутой позже зарыдала и мама. Когда Мария вошла в дом, она увидела соседку, стоявшую рядом с матерью. Женщина увидела Марию и жестом показала ей уйти в другую комнату.

Марии было двенадцать лет. Она сидела в комнате, которую делила с сестрой. Старшие брат и сестра еще были в поле, а младшая, возможно, была с ними, если бы не играла с другими детьми. В тот день у Марии начались первые месячные, и после разговора с матерью они остались в доме, потому что там было прохладнее. Перед этим мать сказала: «Теперь ты не просто девочка, ты юная женщина, и ты можешь иметь ребенка». Мария задала глупый вопрос: «Как та Мария, что родила Иисуса?» — «Нет, от мужчины, не от Бога», — добавила Рут. — «Может, от самого Бога», — в шутку ответила она.

Рут рыдала, проклиная убийц, которые забрали отца у детей, оставив их заботиться о себе самим. Мария не раз видела, как Аренгост убивает землянина. Ей говорили, что не нужно бояться, а следует спокойно принимать волю Аренгоста, ее господина. Ее отца убили, и она должна воспринимать это как естественный процесс. Только Мария не знала, плакать ей или нет.

Мария не плакала, помня учение Аренгостов о том, что слезы — признак слабости. Ей хотелось заплакать, потому что плакала мама, но она решила, что плакать не будет. Рут перестала плакать, осознав, что осталась одна с детьми и должна быть сильной, чтобы убийцы мужа не смогли разрушить семью.

Мария пыталась думать о чем угодно. Младшей в семье нужна была еда, и мать взяла ребенка на руки и начала кормить.

— Мария! — крикнула мать.

Мария вышла из комнаты. Рут не знала, какие слова повторяла ее дочь: «Я не буду плакать, я не буду плакать, я не буду плакать».

На глиняном столе стояла еда — тарелка с местным картофелем и мясом. Рабы редко ели мясо, но потомки первых проповедников — другое дело. Рут решила приготовить мясо, ведь дети всегда его любили. Блюдо не вызывало аппетита: чувствовался кисло-сладкий вкус, вкус разлагающегося тела. Марии было противно. Обычно за столом она любила без умолку болтать и задавать глупые вопросы, но в этот день ей хотелось молчать.

Было странно: мама кормит ребенка, Эстер и другие малыши в яслях, значит, обед еще не наступил. Обе молчали, не считая младенца, который изредка издавал звуки. Казалось, время растягивается, как резина.

«Лучше жевать еду, — подумала Мария, — иначе я могу заплакать».

Не поднимая головы от тарелки, она почувствовала, что мама пристально смотрит на нее. Было страшно заговорить, ведь слова могли вызвать слезы. Еда отдавала сладковатым привкусом — вкусом разлагающегося трупа. Неприятный запах, казалось, исходил от самой еды. Отказаться было нельзя — еще страшнее было поднять голову и посмотреть на маму. Стали слышны даже тихие звуки: движение ложки, рук. Мария доела последний кусок, и звуки стихли. Даже младенец перестал плакать.

«Наверное, спит, — решила Мария. — Мама жива, мама жива».

Звезда планеты выглянула в окно, выходящее на юг, и Мария знала, что пора ужинать. Полный рабочий день на планете Сэмнд длится двадцать два часа, а сутки — тридцать; рабы с Земли получали право на долгий отдых до захода звезды Бон.

— Они скоро придут, — сказала она.

Это тягучее время продолжало мучить Марию. Джоанна открыла входную дверь.

— Привет, мам.

По веселому настроению десятилетней девочки они поняли, что она еще ничего не знает. Повернув к маленькому обеденному столу, она села на свободный стул. Мария и Рут молчали, только мать выполняла свой долг, расставляя тарелки.

— С мясом! — громко сказала рыжеволосая девочка, радостно расширив глаза.

Мария посмотрела на сестру лишь пару секунд, а затем снова уставилась в одну точку.

«Она любит папу больше всего на свете», — подумала Мария.

— Меня отпустили домой раньше, — сказала Джоанна, все еще жуя еду и переводя взгляд с матери на Марию и обратно, — что-то не так, и я не знаю что. Но скоро они придут.

Веселый детский голос, казалось, пытался убить мертвую тишину. Мария осмелилась еще раз взглянуть на сестру, которая, жуя, чувствовала новые вкусы. «Значит, Дэвид и Ева скоро будут здесь», — поняла Мария.

Скрипнула дверь, и в комнату вбежала трехлетняя девочка.

— Мам, я пить хочу, — сказала она и протянула руки.

Мать подошла к кувшину и налила воды. В дверях показались Дэвид и Ева. «Они знают», — поняла Рут, видя печальные, трагические лица старших детей. Пока Эстер пила воду, мать опустилась на колени и заглянула девочке в глаза.

— Милая, — сказала она, положив руки на плечи дочери, — папа умер.

Но трехлетняя девочка не поняла слова «умер».

— Он сегодня придет домой?

— Нет, — внезапно закричала Джоанна, — это не правда.

— Дети, папа умер.

— Нет! — повторила Джоанна.

Джоанна плакала в паре сантиметров от матери, желая, чтобы ее обняли. Мария, глядя на мать и сестру, выкрикнула:

— Вы не должны плакать!

— Вы не должны плакать!

Рут встала между дочерьми; ее правая рука обняла Джоанну, а вытянутая левая ждала, когда подойдет Мария. Мария, увидев плачущую младшую сестру, уже прильнувшую к плечу матери, тоже подошла, но не потому, что ей не хотелось плакать. Мария обняла мать и зарыдала громко и судорожно, не давая слезам вырваться:

— Нельзя плакать! Нельзя плакать! Нельзя плакать!

Эстер тоже начала плакать, не совсем понимая причину, но когда Мария услышала крик младшей сестры, она больше не могла оставаться с семьей и, вырвавшись из объятий, побежала в свою комнату. Не желая плакать, она свернулась калачиком на кровати и повторяла:

— Плакать нельзя.

Глава 2

Из-за своего юного возраста Дэвид не мог стать предводителем племени. Аренгосты решили назначить регента. Им стал Аглик, брат Исаса, а Лот, брат Рут, стал его помощником. Дяди жили в соседних деревнях: Лот был проповедником, а Аглик — старейшиной. Аренгосты позволили отправить Джона на невольничий рынок вместо Дэвида, Евы или Марии.

Дом стоял напротив плантации, где в этом пустынном мире выращивалось всё, что могло расти, начиная с различных видов съедобных кактусов. Дом был не очень большим, но и не маленьким — не как дома других рабов. В доме была комната для девочек, комната для мальчиков, комната для родителей, дополнительная комната, пристройка и общая комната. Из этого дома Мария каждый день уходила на работу, покрывая голову платком, находясь среди взрослых, видя трудности и пороки. Рабовладельцы запрещали любые отвлечения во время работы, и Мария выполняла свои обязанности, даже если рядом кто-то умирал, был убит или изнасилован.

Когда отец Марии был жив, все члены семьи всегда работали группой, не видя жестокости, но после его смерти всё изменилось. Вдова стала главой семьи, и родственники помогали ей. Тридцатитрехлетний Лот, дважды вдовец, больше не женился, воспитывая детей от двух жен. Он был младшим братом Рут — высокий светловолосый проповедник. Возможно, многим он казался хорошим проповедником, который всегда умел правильно цитировать Священное Писание, интерпретируя содержание выразительно и артистично, но для понимающих стало ясно, что этот проповедник был скорее актером, выполняющим свою работу, чем верующим человеком. Лот, гордясь своим предком, решил войти в историю, стать почитаемым и жить в достатке. Не будучи сыном или внуком проповедника, а лишь потомком, он научился проповедовать со слов своей бабушки и матери, учась правильно толковать писания.

Даже став почитаемым пастором, Лот не оставил привычку обращаться к сестре за советом и посещал дом Марии очень часто. По этой причине дети Рут часто видели, как дядя обсуждает писания с матерью и записывает что-то в тетрадь.

Во время пятичасового отдыха Мария находилась в доме за обеденным столом, поедая всё, что можно было приготовить из кактуса. Если в доме было мясо, дядя Лот приносил его и садился рядом с матерью. Он был в доме, когда Мария вернулась с поля.

— Такие слова должны быть произнесены, — услышала Мария голос матери.

— Да, Аренгосты будут рады узнать, что вы будете моим помощником во время мессы.

Кактусовый хлеб, мясо, жаренное с кактусом. Кактус — быстрорастущий плод; дети любят его, желая почувствовать сладкий вкус.

— Привет, — сказал дядя, подходя к столу. — Ты растёшь, Мария.

В это время Мария жевала жареный кактус.

— Ты будешь прислуживать на мессе вместе со мной, — снова слышит Мария разговор взрослых, но в этот раз она сидит с ними за одним столом.

Когда Мария увидела дядю Лота, сидящего на месте отца, она почувствовала себя неловко и захотела поскорее уйти из дома. Мария встала во весь рост и заметила оценивающий взгляд дяди на своем платье из темного ситца, которое подчеркивало её юное тело с выступающей грудью. Почти за четыре месяца она превратилась в быстро растущего подростка, и такие взгляды часто стали исходить от мужчин, но было неприятно, когда это исходило от того, кто занял место её отца.

Мария была выше всех своих подруг и некоторых деревенских мальчишек, с которыми она веселилась на Рождество. Рабы отмечали праздники не по календарю Аренгостов, а по календарю Земли, каждые триста шестьдесят пять дней. Было принято отмечать Рождество по земному календарю, часто собираясь в одной деревне. Вечером Марию и других сельчан

пригласили в соседнюю деревню. Горели костры, звучали рождественские песни — как те, что были придуманы на этой пустынной планете, так и те, что пришли с родной планеты землян. Легенда о Санта-Клаусе не была забыта, только святой был одет не как на Земле, в красную шубу, а в рясу песочного цвета, и, конечно, у него была белая борода.

Мария была со своими друзьями: Мали, Сака, Эриком, Иваном, Кэти, Ли и другими. Все ждали, когда к ним присоединятся дети из соседней деревни. Марии через несколько недель должно было исполниться тринадцать лет, и её друзья уже не были детьми, верящими в Санта-Клауса. Рядом с ней стояла темнокожая подруга по имени Мали, такого же роста и возраста.

— Ты не веришь в Санта-Клауса, — весело заметила Мария.

— Ну и что, — сказала Мали, — зато нам всем весело.

У рабов с планеты Земля на этой планете нет национальностей — все они рабы с Земли. У Ли слегка узкие глаза, добрый, интересный парень, а Кэти, девочка-подросток, с прямыми иссиня-черными волосами. Эрик и Иван — два друга, почти всегда вместе.

— Эльпанцы идут, — сказал Иван, указывая на группу подростков, идущих к ним.

Среди них были парни, юные девушки и даже дети. В таких группах дети вождей выбираются лидерами, и это был парень по имени Энрока, у которого была смелая походка и привлекательная улыбка. Парень был одет в черную кожаную куртку.

Мария встречала сына вождя деревни Эльпано, когда видела его в поле, а в тот праздничный день она увидела Энроку не как мальчика, а как будущего лидера, лидера отряда, которому вот-вот должно было исполниться четырнадцать.

— Здравствуйте, соседи, с праздником вас, — сказал Энрока за всех.

— Здравствуйте, — ответила Мария, решив, что она должна быть лидером своей группы.

Играла музыка, исполняемая на скрипке. В этом танце, как и их предки, они прижимались друг к другу, затем поднимали и быстро опускали ноги, кружась под веселую музыку. Мария танцевала с Энрокой, а он прижимал Марию к себе и улыбался. Это была первая близость, не с мальчиком во время игр, а как с молодым человеком, готовым стать главой молодой семьи. Мария не хотела понимать, что Энрока захочет играть во взрослые игры: быть охотником, хищником, движимым инстинктами — для Марии он воспринимался как принц, с которым у неё был её первый самый прекрасный танец.

Когда музыканты начали играть английский народный семейный танец (англиканский), Мария танцевала с Энрокой, как подобает молодой паре, стоя на расстоянии двадцати сантиметров, плавно поднимая и опуская ноги. Энрока сначала двигал руками, держа Марию за руки, не сводя глаз с партнерши, а затем партнеры менялись местами. По правилам, в танце неженатая пара должна находиться не ближе двадцати сантиметров, а взрослая, семейная пара танцует, прижимаясь друг к другу. Расстояние определяет статус пары.

Энрока прижался к Марии, и Мария ответила взаимностью, но когда неуместный поступок был замечен, со стороны окружающих послышались неодобрительные слова. Мария и Энрока отстранились друг от друга и начали смеяться. Услышав веселый, заразительный смех, другие тоже засмеялись, приняв инцидент за случайную ошибку и шутку детей. Оба поняли, что лучше расстаться и вернуться к своим группам.

— Я не знала, что ты невеста, — пошутила Кэти, которая не танцевала.

Мария не улыбнулась. Она посмотрела на подругу грустно и серьезно.

— Что ж, поздравляю, — вставил Иван.

— Следующий танец будет моим, — сказал Эрик, — обещаю не прижимать тебя к себе во время английского танца, — и он взял её за руку и потянул к танцующим.

Играла джазовая музыка для молодежи, юные танцоры делали движения, как их предки на планете Земля, и танцевали немного медленнее, не так провокационно, стараясь не нарушать приличий. Мария, танцуя теперь с новым партнером, не испытывала таких приятных

ощущений. Танцуя под джаз, она изредка поглядывала на Энроку, который не стоял со своими друзьями.

— Извини, я устала, — извинилась Мария, когда музыка стихла.

Оставив Эрика, она не пошла к своим друзьям, а стала искать тихое место рядом с Энрокой.

— Ты хорошо танцевала, Мария, — сказал Энрока, подходя ближе.

— Спасибо, папа научил меня танцевать.

Энрока улыбнулся.

— А меня мама научила.

Они разговаривали, шутили и рассказывали друг о друге. А когда заиграла музыка, похожая на испанские кастаньеты, Энроку пригласили танцевать. После этого группа молодых людей из деревни Эльпано начала исполнять танцевальные номера, похожие на народные танцы Испании. Энрока и другой юноша в окружении девушек начали танцевать. Юные девушки, выходя вперед, исполняли такие танцы. Инструменты и звуки были такими же, как в Испании, только язык был другой.

Затем на сцену вышла молодая девушка в красном платье и под ритм гитарной музыки начала отбивать каблуками ритм, поднимая и опуская руки. В других парных танцах Энрока также танцевал, часто направляя взгляд на Марию, и она представляла себя партнершей Энроки в своих фантазиях. Они начали радоваться, когда наступило Рождество, и жители деревни обменивались рукопожатиями, поздравлениями и подарками.

Глава 3

По обычаю, рабы на планете Сэмнд могут выйти замуж в тринадцать лет, но из-за отца, который был вождем, Ева не хотела становиться чьей-либо женой. Но всё изменилось, когда вождь умер, и к ним перестали относиться с особыми привилегиями. Еве пришлось выйти замуж, чтобы создать семью и рожать рабов для хозяина, как и всем землянам на планете Сэмнд. А Мария в своих мечтах ждала встречи с принцем.

На полупустых плантациях планеты Сэмнд особые сорта кактусов скрещивают с растительностью с других планет. На планете Сэмнд есть пастбища для земных животных, и Энрока из деревни Эльпано, будучи пастухом, должен проходить через поля деревни Марии и, как будущий жених, встретиться с ней. Из-за дневной звезды Бон было слишком жарко. Крестьяне и друзья работали рядом с Марией.

— Ты сегодня тоже грустная, — сказала Кэти.

— Ничего, — ответила Мария, срывая верхушку кактуса.

Марию не интересовала работа, несмотря на приказ Аренгостов посвятить себя труду на сто процентов. Ей хотелось уйти и погрустить, но Мария услышала громкий возглас:

— Соседние пастухи идут!

Это означало, что Энрока скоро придет — поняла Мария. Сердце Марии забилось быстрее. Ей хотелось побежать и искать Энроку, но разумная девушка не могла этого сделать. Она даже не осмелилась выпрямиться и поднять голову. Грусть прошла, и работа начала спориться. Оставалось только ждать объявления большого перерыва. Марии казалось, что время потекло медленнее: словно минуты превратились в часы. Она не знала, идти ли обедать со всеми или бежать навстречу ему.

— Мария, обедать! — крикнула Кэти.

Мария подняла голову. Когда она подошла, Кэти заметила:

— Ну, теперь ты не грустная, — и она шутливо улыбнулась.

Мария прошла мимо Кэти. «Кэти права», — подумала Мария. Подруга догнала её и снова сделала замечание, но уже шепотом:

— Я бы сделала то же самое: пусть он тебя ищет, — сказала Кэти. — Хочешь пообедать у меня?

— Да, — ответила Кэти, направляясь в ту сторону, куда шла Мария.

Они отправились в дом покойного вождя. Несмотря на смерть отца, Дэвид в будущем мог стать вождем, поэтому все гости из соседних деревень должны были приходить в дом вождя. Но когда Мария пришла домой, она увидела не Энроку, а брата, сестру, мать, дядю Аглика и дядю Лота. Семья решила накрыть обеденный стол во дворе, потому что в доме было жарко. Увидев отсутствие Энроки, Мария снова почувствовала грусть и страх при виде множества пустых мест за столом.

Тридцатидвухлетний дядя Аглик выглядел моложе и лучше, чем дядя Лот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.